Образованіе

апр. 1908

СОДЕРЖАНІЕ № 4.

СТРАН.

СТРАН.

Изъ пережитого.

(Къ характеристикѣ внѣдумской жизни рабочаго депутата).

Когда произносятъ слово „депутатъ", то у слушателей возникаетъ вполнѣ опредѣленное привычное представленіе. Рисуется парламентская трибуна и на ней „народный представитель", критикующій или защищающій политику правительства, обсуждающій законопроекты, дѣлающій министрамъ запросы и т. д. Или представляется парламентская комиссія, гдѣ онъ разбираетъ параграфъ за параграфомъ законодательные акты, долженствующіе явиться „правовымъ" выраженіемъ реальныхъ общественныхъ отношеній данной страны.

Но это привычное и ходячее представленіе далеко неисчерпываетъ всей политической дѣятельности депутата, — особенно же недостаточнымъ и неполнымъ кажется оно мнѣ по отношенію къ россійскому депутату, положеніе котораго существенно отличается отъ положенія его европейскихъ коллегъ. Опытъ двухъ Думъ показалъ, что именно тѣ функціи законодательства и контроля, которыя въ странахъ съ парламентарнымъ режимомъ являются главнымъ содержаніемъ дѣятельности депутатовъ, у насъ пока оказываются величиной совершенно ничтожной, если не мнимой.

Еще болѣе своеобразнымъ и оригинальнымъ является положеніе россійскаго депутата *внѣ* „парламента", — тѣ отношенія, въ какихъ онъ находится со своими избирателями и вообще съ различными элементами россійской общественности. Вотъ съ этой внѣдумской жизнью депутата мнѣ и хочется немного познакомить читателей. За недолгое пребываніе мое въ составѣ 2-ой Думы у меня накопилось не мало чрезвычайно цѣннаго и интереснаго матеріала, характеризующаго внѣдумскую жизнь члена россійскаго „парламента". Само собою разумѣется, что я не могу, да и не задаюсь цѣлью исчерпать весь имѣющійся у меня матеріалъ въ рамкахъ статьи русскаго журнала. Я сознательно ограничиваю содержаніе настоящихъ очерковъ лишь бытовой стороной дѣла, тѣмъ болѣе, что эта сторона очень любопытна и весьма мало освѣщена.

I.

Чуть не съ перваго же дня послѣ выборовъ меня въ депутаты отъ Петербурга, ко мнѣ стали приходить различныя лица, какъ изъ среды товарищей-рабочихъ, такъ изъ другихъ слоевъ питерскаго населенія по всякаго рода дѣламъ. Кромѣ питерскихъ обывателей пріѣзжали нерѣдко и изъ другихъ мѣстностей, иногда очень издалека. А почта каждый день приносила цѣлые вороха писемъ съ разныхъ концовъ Россіи, причемъ многія изъ нихъ, разумѣется, носили на себѣ слѣды перлюстраціи. Черезъ недѣлю-полторы квартира, гдѣ я жилъ съ двумя своими товарищами по фракціи, превратилась въ „проходной дворъ", какъ, шутя, выражались мои пріятели, и въ ней съ ранняго утра до поздняго вечера находилось множество народу, имѣвшаго то или иное дѣло къ „депутату".

Очень часто и очень регулярно приходили рабочіе съ приглашеніями на митингъ или на какое-нибудь иное собраніе. Рабочій Петербургъ, замѣтно, интересовался тѣмъ, что происходило въ Думѣ и, въ особенности, дѣятельностью своей с.-д. фракціи, и заводъ за заводомъ, фабрика за фабрикой наперерывъ требовали, чтобы члены фракціи являлись на митинги и собранія для докладовъ о Думѣ. Мнѣ, какъ петербургскому депутату, особенно часто приходилось получать такія приглашенія—письменно и устно. Но, къ сожалѣнію, выполнять ихъ можно было далеко не всегда. Во-первыхъ, иногда абсолютно не хватало времени. Просидѣвши день въ Таврическомъ дворцѣ, приходилось вечеромъ, до 12 или до часу ночи быть на засѣданіяхъ фракціи, такъ что только ночью или раннимъ утромъ можно было готовиться къ выступленіямъ въ Думѣ. Кромѣ того, и самыя посѣщенія митинговъ и собраній были крайне затруднены.

Послѣ выборовъ меня въ депутаты, я считалъ безполезнымъ просить разрѣшеній на легальныя собранія и, по мѣрѣ возможности, посѣщалъ митинги въ заводахъ, а то и прямо на улицѣ. Громадныя собранія, по нѣскольку тысячъ человѣкъ, удалось, между прочимъ, провести на Семянниковскомъ заводѣ, на сапожной фабрикѣ (за Московской заставой) и на резиновой мануфактурѣ. Чтобы пройти въ заводъ, приходилось дѣйствовать или хитростью, пользуясь билетомъ какого-нибудь изъ рабочихъ, или прямо „нахрапомъ". Когда, напримѣръ, рабочіе позвали меня на сапожную фабрику, то я явился къ часу окончанія работъ прямо къ воротамъ фабрики. Рабочіе, выходившіе съ работы, увидавъ меня, окружили меня толпой, вошли назадъ въ ворота, заперли ихъ, чтобы полиція и казаки не могли войти и тутъ же на дворѣ былъ устроенъ митингъ.

На Семянниковскомъ заводѣ я былъ съ другимъ депутатомъ, тов. Митровымъ. Намъ удалось проникнуть въ одну изъ мастер-

скихъ еще до окончанія работъ. Рабочіе, узнавъ, что пришли соц.-дем. депутаты, сейчасъ же оставили станки и собрались въ одну громадную мастерскую. На импровизированной трибунѣ изъ досокъ дѣлали мы докладъ о всемъ, что происходило въ Думѣ и тысячная толпа слушала съ напряженнымъ вниманіемъ. Во время моей рѣчи изъ толпы подаютъ мнѣ записку, присланную изъ заводской конторы. Читаю: *„Прошу прекратить собраніе, такъ какъ извѣщена полиція. Иначе слагаю съ себя всякую отвѣтственность за могущія произойти послѣдствія"*. Подписана была, насколько помнится, фамилія: *Гиппіусъ*. Оказалось, что это г. директоръ завода „заботится" о рабочихъ и во избѣжаніе „послѣдствій" отъ прибытія войскъ и полиціи, предлагаетъ намъ разойтись. Единогласно рѣшили кончить доклады о Думѣ и собраніе продолжалось. По окончаніи его, когда рабочіе съ пѣніемъ „Варшавянки" и рабочей „Марсельезы" выходили изъ мастерской насъ встрѣтилъ строй солдатъ въ „боевой готовности". Но столкновенія, къ счастью, не было и рабочіе благополучно вышли толпой на Шлиссельбургскій трактъ провожать депутатовъ. Паровая конка уже далеко увозила насъ отъ завода, а товарищи все еще стояли на тракту среди мрачныхъ заводскихъ зданій и долго провожали насъ прощальными криками.

На резиновой мануфактурѣ митингомъ была, какъ передавали, очень изумлена администрація мануфактуры и мѣстная полиція. И та и другая знали, что предстоитъ „митингъ съ депутатами" и приняли мѣры предосторожности, чтобы депутатъ не проникъ къ рабочимъ. И дѣйствительно, когда я проходилъ туда, мнѣ пришлось итти сквозь рядъ сторожей, только слѣдившихъ за всѣми входящими и выходящими изъ воротъ. Надо замѣтить, что входить на фабрики и заводы Петербурга вы можете только черезъ такъ называемыя „проходныя конторы", гдѣ всѣхъ посѣтителей фильтруютъ, а подозрительныхъ тутъ же задерживаютъ. Но благодаря хитроумной уловкѣ одного изъ товарищей-рабочихъ, шедшаго со мной, вся эта стража и охрана преспокойно пропустила меня внутрь фабрики, и не подозрѣвая, очевидно, что это и есть та зловредная личность, за появленіемъ которой приказано слѣдить строжайшимъ образомъ. И митингъ-таки состоялся во дворѣ мануфактуры. Я какъ сейчасъ помню удивленные и испуганные, вытаращенные глаза фабричной и полицейской администраціи, безпокойно устремленной изъ оконъ конторы на меня и на собравшихся вокругъ меня рабочихъ.

Впрочемъ, митинги въ мастерской и на фабричномъ дворѣ, это еще сравнительно роскошь: приходилось давать отчетъ своимъ избирателямъ иногда прямо на улицѣ.

На десятокъ моихъ заявленій я только разъ получилъ согласіе полиціи на собраніе, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ собранія запрещались, причемъ полиція даже не трудилась соблюдать пра-

вила и извѣщать о запрещеніи заблаговременно; иногда случалось, что рабочіе теряли понапрасну вечеръ, собираясь съ дальнихъ концовъ Петербурга къ назначенному для собранія мѣсту и находили запертыя двери и нарядъ полиціи и казаковъ передъ дверями.

Единственный разъ, когда мнѣ было „разрѣшено" собраніе, оно состоялось въ большомъ залѣ народнаго театра за Невской заставой. Присутствовало нѣсколько тысячъ рабочихъ, передъ которыми я и тов. Петровъ, депутатъ отъ Петербургской губ., сдѣлали докладъ о Думѣ. Собраніе продолжалось нѣсколько часовъ и носило очень оживленный характеръ. Съ полиціей инцидентовъ не было. Полицейскій, присутствовавшій на собраніи, не мѣшалъ говорить ораторамъ и только разъ, когда я говорилъ о пролетарской борьбѣ, вдругъ задалъ предсѣдателю вопросъ: „Какую борьбу имѣетъ въ виду ораторъ"? — Полицейскій получилъ отвѣтъ, что „ораторъ имѣетъ въ виду классовую борьбу пролетаріата и удовлетворившись этимъ отвѣтомъ, смолкъ до конца собранія.

Но послѣ этого собранія снова систематически запрещались (конечно, намъ, соц.-демократамъ, тогда какъ кадеты ихъ постоянно устраивали), и намъ опять пришлось вернуться къ прежнему способу ихъ устройства.

Градоначальникъ, желая прекратить митинги на заводахъ, вывѣсилъ объявленіе, что тѣ предпріятія, на которыхъ будутъ происходить неразрѣшенныя собранія, будутъ закрыты на основаніи положенія объ охранѣ. Но это не остановило рабочихъ, и собранія продолжались, хотя и съ большимъ рискомъ.

Что касается самихъ кадетовъ, то они, разумѣется, и мечтать не могли о томъ, чтобы выступать на настоящихъ *народныхъ* митингахъ, а тѣмъ болѣе на чисто-рабочихъ собраніяхъ: настолько подорванъ былъ ихъ престижъ среди низовъ, въ особенности, среди пролетаріата. Вообще, кромѣ соціалъ-демократическихъ депутатовъ никто изъ членовъ Думы не пытался пріобрѣсти вліяніе на петербургскихъ рабочихъ и болѣе или менѣе прочно связаться съ ними. Курьезно окончилась предпринятая было въ этомъ направленіи попытка истинно-русскаго епископа Евлогія: онъ явился на одну изъ петербургскихъ фабрикъ и хотѣлъ было сказать рабочимъ „слово", но пролетаріи и пролетарки встрѣтили его такимъ дружнымъ отпоромъ, что почтенный отецъ духовный долженъ былъ моментально обратиться вспять, не доведя до конца своей душеспасательной миссіи.

Опытъ митинговой кампаніи, которую мы, правда, могли вести далеко не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ этого хотѣли бы, показалъ въ концѣ концовъ, что какъ бы то ни было, связь лѣвой части Думы съ пролетаріатомъ столицы осуществлялась исключительно черезъ соц.-дем. депутатовъ.

II.

Составъ лицъ, обращавшихся ко мнѣ за недолгое время моего депутатства, былъ крайне разнообразенъ и очень интересенъ въ своемъ разнообразіи: очень большое число рабочихъ, главнымъ образомъ, изъ Петербурга и окрестностей, ихъ женъ и родственниковъ, крестьяне,—крестьянскіе ходоки, пріѣзжавшіе иногда изъ отдаленныхъ губерній. И, кромѣ этихъ двухъ категорій, разношерстная и неопредѣленная масса обывателей, отъ босяка до чиновника. Дѣла и нужды, съ которыми шли всѣ эти люди къ депутату, были столь же разнородны и разнокалиберны, какъ и они сами.

Старый режимъ, который въ литературѣ и политической борьбѣ обрисовывается передъ нами въ своихъ массовыхъ и общихъ проявленіяхъ, не менѣе тяжелъ и жестокъ въ тѣхъ отдѣльныхъ и частныхъ вторженіяхъ, какія совершаются имъ въ индивидуальную, личную жизнь гражданъ. Море обидъ и насилій, разбитыхъ существованій, слезъ, раздраженія и отчаянія накопилось въ россійской современности. И всѣ эти униженные и оскорбленные, придавленные тяжелой рукой стараго режима, ищутъ выхода, хватаются за каждое средство спасенія, за все, что кажется имъ такимъ средствомъ. Въ революціонные дни конца 905 года, въ дни всеобщей стачки и послѣдующихъ выступленій пролетаріата, они обращали свои взоры къ новымъ, дотолѣ невиданнымъ, органамъ народнаго движенія,—къ стачечнымъ комитетамъ, Совѣтамъ Рабочихъ Депутатовъ и пр., шли туда съ своими обидами и нуждами, съ сѣтованіями и жалобами на тотъ обветшавшій „порядокъ", который исковеркалъ ихъ существованіе. Въ свое время печатью не разъ сообщались факты, какъ относились широкіе слои населенія къ этимъ новымъ органамъ народной власти, какъ они иногда ждали отъ нихъ разрѣшенія чисто-личныхъ, домашнихъ дѣлъ и вопросовъ.

Нѣчто подобное же повторилось и по отношенію къ лѣвому крылу Гос. Думы. Значительная часть населенія перенесла на Думу,—въ ея революціонной, конечно, части,—всѣ своя общественныя и личныя упованія и надежды, противопоставляя народныхъ представителей приказной бюрократіи и обращаясь къ нимъ въ поискахъ за защитой отъ притѣсненій и насилій со стороны слугъ стараго режима. У значительной части населенія, несомнѣнно, существовало преувеличенное представленіе о роли и могуществѣ Думы и о правахъ депутатовъ. Это преувеличенное представленіе было политически очень вредно, такъ какъ оно содѣйствовало пассивности и инертности самого населенія. Но какъ бы то ни было, оно было несомнѣннымъ фактомъ и выливалось иногда въ очень курьезныхъ формахъ. Обращается, напримѣръ, къ соц.-дем. депутату обижанная судьбой и людьми гражданка и проситъ: „арестуйте такого-то!" (къ просьбѣ приложенъ

адресъ обидчика, котораго необходимо арестовать, такъ какъ онъ утащилъ у гражданки 500 руб.). А въ объясненіе этой странной просьбы прибавляется: „я и къ полиціи обращалась и въ судъ—ничего не вышло".—Одинъ, значитъ, выходъ остался: итти къ соц.-дем. депутату—можетъ быть, онъ поможетъ!

Или, напримѣръ, свѣтская дама обращается къ тому же с.-д. депутату съ просьбой уладить ея семейныя дѣла: „злые люди" разлучили, видите ли, ее съ супругомъ и кто же, какъ не рабочій депутатъ можетъ защитить ее и возстановить ея семейное счастье?

Съ этимъ наивнымъ вглядомъ на права и обязанности „народнаго представителя" каждому изъ насъ постоянно приходилось сталкиваться. Къ депутатамъ обращались не только взрослые, но дѣти съ своими жалобами и просьбами. Я получилъ однажды письмо изъ Сѣверо-Западнаго Края отъ маленькаго мальчика. Онъ писалъ мнѣ, что такъ какъ онъ знаетъ, что соціалъ-демократическіе депутаты заботятся объ удовлетвореніи нуждъ всего народа, то онъ и рѣшился обратиться ко мнѣ съ своей просьбой: ему очень хочется прочесть интересную книгу Тарханова „Гипнотизмъ и внушеніе", но у него нѣтъ денегъ, чтобы купить ее; поэтому, онъ проситъ меня помочь ему въ его бѣдѣ и прислать эту книгу. Въ концѣ письма была приписка, что, когда у него будутъ деньги, онъ непремѣнно вернетъ мнѣ долгъ, такъ какъ „соціалъ-демократы не хотятъ пользоваться чужимъ". Само собой разумѣется, что я сейчасъ же поспѣшилъ оправдать эту дѣтскую надежду на помощь соц.-дем. депутата. Другой парнишка обратился ко мнѣ съ обстоятельнѣйшимъ посланіемъ такого рода:

„Милостивый Государь, господинъ членъ Госуд. Думы Алексинскій! Первымъ долгомъ обязанъ попросить у васъ извиненія, потому что я пишу вамъ, тогда какъ вы о мнѣ и не слышали.

Я просто реалистъ 2—3 класса. Я къ вамъ обращаюсь, какъ къ свѣдующему человѣку. Я хочу просить васъ дать мнѣ источникъ полезныхъ научныхъ (въ томъ числѣ и политическихъ наукъ) книгъ".

Дальше слѣдуетъ жалоба на „родителей нашихъ, которые большей частью безучастны къ нашему молодому жаждущему образованія міру", и благодаря которымъ иногда „зародившаяся у дѣтей любовь къ литературѣ умираетъ послѣ долгихъ страданій".

„Я прошу у васъ,—продолжаетъ авторъ,—матеріала къ развитію чувства къ литературѣ. Я прошу дать источникъ политическихъ книгъ, которыя могли бы заложить фундаментъ для построенія идеи о „россійской соціалъ-демократической рабочей партіи" и всѣхъ остальныхъ противоположныхъ ей партіяхъ. Укажите мнѣ такія книги".

Въ заключеніе реалистъ, видимо, сконфузился и добавилъ post-scriptum: „Извините, можетъ быть, это чепуха".

Малолѣтніе работники-ученики Юрьевскаго завода (станція

Алчевская) написали соц.-дем. депутатамъ письмо, въ которомъ говорили между прочимъ:

„Мы, молодое поколѣніе Россіи, видя темноту нашихъ дѣдовъ не хотимъ быть такими же. У насъ есть желаніе и усердіе учиться, но бюрократическій строй не даетъ возможности намъ, дѣтямъ бѣдныхъ тружениковъ, развивать наши умственныя способности и намъ въ удѣлъ поставлено съ самыхъ малыхъ лѣтъ не учиться, а глотать угольную пыль и газъ. Мы протестуемъ противъ этого и требуемъ, чтобы не одни дѣти капиталистовъ имѣли возможность учиться, но чтобы и мы такъ же, какъ и они, могли развивать свои умственныя способности".

Иной разъ это довѣрчивое отношеніе гражданъ-дѣтей къ рабочимъ депутатамъ принимало очень оригинальную форму. Одинъ изъ соц.-дем. депутатовъ получилъ на Пасху поздравительную открытку: на голубомъ фонѣ съ незабудками и еще какими-то цвѣтами изображены были двѣ руки, протянутыя другъ къ другу, а подъ этимъ трогательнымъ изображеніемъ крупнымъ ребяческимъ почеркомъ было выведено: „Шлю сердечный привѣтъ. Поклонъ лѣвымъ. Ученица Зина".

Большинство обращавшихся ко мнѣ лицъ искали, обыкновенно, защиты отъ насилія и произвола всевозможнаго „начальства". Жалобы на слугъ и агентовъ власти были наиболѣе частымъ мотивомъ письменныхъ и устныхъ заявленій, которыя десятками приходилось прочитывать и выслушивать ежедневно. При этомъ защиты у рабочаго депутата просили такія лица, которыя по ихъ общественному положенію, казалось бы, иногда очень далеки были отъ соціалъ-демократіи. Однажды явился ко мнѣ отставной жандармскій унтеръ съ жалобой на какую-то „особу", у которой онъ состоялъ на службѣ и которая вышвырнула его на мостовую, не выполнивъ заключеннаго договора. Другой разъ пришелъ городовой петербургской полиціи, чтобы повѣдать исторію эмеритальной кассы, которая была устроена для низшихъ полицейскихъ чиновъ на вычеты изъ ихъ жалованья и отъ которой они, городовые, не видѣли ни копейки. Являлись служащіе петербургской таможни, служителя и курьеры сената и министерства внутрен. дѣлъ, принесшіе цѣлый ворохъ документовъ въ доказательство того, какъ тяжела ихъ служба, какъ низокъ ихъ заработокъ и какъ вообще „заботливо" относится къ нимъ ихъ начальство.

Начальникъ почтово-телеграфной конторы въ длинномъ письмѣ разсказываетъ мнѣ о томъ, какъ онъ послѣ двухъ съ половиной десятковъ лѣтъ службы живетъ съ семьей на 36 руб. 75 коп. жалованья въ мѣсяцъ: „Наши высшіе заправилы,—пишетъ онъ,— не заботятся о насъ, грѣшныхъ, такъ необходимо бы теперь въ Думѣ о насъ заговорить".

Эта наивная вѣра въ то, что если „разсказать въ Думѣ", такъ ужъ обязательно будетъ возстановленно попранное право,

присуща не только самымъ „маленькимъ людямъ“. Иногда и болѣе крупные слуги стараго режима обращались за защитой противъ него къ тѣмъ же представителямъ пролетаріата.

Съ жалобами на произволъ и съ просьбами о заступничествѣ обращалось также много родственниковъ политическихъ заключенныхъ. За найденную при обыскѣ „нелегальную“ брошюру, которую, кстати сказать, зачастую можно было купить въ любомъ магазинѣ, за старый, полуизломанный револьверъ („ношеніе оружія!“), за раздачу избирательныхъ бюллетеней, за пѣніе революціонныхъ пѣсенъ попадаетъ человѣкъ въ тюрьму и находится тамъ безъ суда и слѣдствія нерѣдко по цѣлымъ мѣсяцамъ. Родственники, жены, матери, дѣти, оставшіеся безъ хлѣба послѣ ареста того, кто иногда былъ ихъ единственнымъ кормильцемъ, обиваютъ пороги участковъ, охранныхъ отдѣленій и ниоткуда не получая отвѣта, идутъ къ депутату—быть можетъ, онъ поможетъ! Положеніе депутата въ этомъ случаѣ крайне двойственное. Съ одной стороны сознаешь, что существенной помощи твое вмѣшательство въ большинствѣ случаевъ не принесетъ, а иногда даже пожалуй и ухудшитъ положеніе арестованнаго, съ другой отказаться „похлопотать“ неловко, когда объ этомъ просятъ родственники заключенныхъ. Скрѣпя сердце, приходилось не одинъ разъ отправляться для объясненій къ тѣмъ, „кому сіе вѣдать надлежитъ“.

III.

Выше я сказалъ, что главную массу обращавшихся лично и письменно къ депутатамъ составляли крестьяне и рабочіе. Это вполнѣ понятно, ибо главная тяжесть теперешняго положенія вещей ложится цѣликомъ на эти два нижнихъ этажа удивительнаго зданія, именуемаго россійскимъ государствомъ. Естественно, что послѣ созыва Думы,—въ особенности, когда въ ней оказалось значительное крестьянское и рабочее представительство,—крестьяне и рабочіе хотѣли видѣть въ ней противовѣсъ старому режиму и противопоставлять депутата чиновнику и эксплоататору. Очень важно было вліяніе Думы также въ томъ отношеніи, что крестьянство совершенно безсознательное въ области политики стало разбираться въ политическихъ группировкахъ и противопоставлять „лѣваго“ революціоннаго депутата реакціонеру. Дѣло доходило до того, что крестьяне, разочаровавшись въ „правомъ“ депутатѣ изъ своей губерніи, обращались къ рабочему депутату съ жалобой на „своего“ депутата. Изъ Калужской губерніи мною была получена отъ крестьянъ такая жалоба на обманувшаго ихъ надежды „праваго“ представителя:

„Дорогой депутатъ Алексинскій!—писала группа крестьянъ.— Покорнѣйше просимъ васъ прочесть прилагаемое при семъ письмо депутату отъ Калужской губерніи Игнату Сорокину, но

въ руки ему не отдавать, и потомъ предать гласности черезъ печать, въ печати же имена наши не подписывать. Это мы просимъ потому, что если узнаетъ Сорокинъ наши имена, то онъ насъ затиранитъ. Онъ намъ надѣлалъ ужасъ сколько горя. Мы просили у него хлѣба, земли и воли, а онъ насъ обвинилъ въ отступничествѣ и въ томъ, что мы желаемъ убійцевъ и грабителей выпустить. Сейчасъ насъ хотятъ всѣхъ суду предать. Земскій начальникъ Запольскій и полиція заѣли. Учителя заподозрили въ составленіи приговора и уволили отъ должности, а теперь высылаютъ въ дальніе края. Заступитеся за насъ, скажите объ этомъ Государственной Думѣ".

Далѣе слѣдовало *„Открытое письмо члену Госуд. Думы отъ Калужской губерніи Игнату Сорокину"*. Въ письмѣ говорилось:

„Въ мартѣ мѣсяцѣ крестьяне села Устовъ Козельскаго уѣзда обратились къ тебѣ, какъ къ земляку, похлопотать о продовольственномъ хлѣбѣ, ты же придрался къ слову „воля" и обвинилъ насъ, Богъ знаетъ, въ чемъ,—будто мы и царя не признаемъ и грабителей желаемъ выпустить. Что это съ тобой, — или ты съ ума спятилъ? Мы только отъ тебя перваго слышимъ такое объясненіе воли. Ужъ больно ты сталъ ученъ, да только ученье то отдаетъ тухлинкой. Намъ нужно законной воли, — вотъ чтобы земскій начальникъ Запольскій не стѣснялъ бы нашу волю въ выборѣ волостныхъ старшинъ, судей и другихъ лицъ. А то вотъ ходилъ 12 лѣтъ противъ нашей воли старшина Поляковъ, другъ земскаго начальника,—ужъ сколько онъ натворилъ дѣловъ, только одинъ Богъ знаетъ. Этотъ старшина и волостныя и страховыя деньги всѣ порастратилъ, а теперь съ насъ взыскиваютъ, а мы откуда денегъ возьмемъ?—мы сами нищіе. А вотъ былъ у насъ въ волостномъ судѣ судья Кирюшка, другъ по охотѣ земскаго начальника. Если ты не принесешь ему бутылку водки, то все дѣло пропало. Я, — говоритъ Кирюшка, — сужу по 45-ой статьѣ (цѣна бутылки водки). Да и другіе судьи точно такъ же судили. Земскій начальникъ все это зналъ, — сколько разъ жаловались. Вотъ и сейчасъ старшина ходитъ противъ нашей воли. Онъ ничего въ дѣлахъ крестьянскихъ не понимаетъ, просто, какъ пень; зачѣмъ къ нему ни обратишься, ничего не добьешься, — совсѣмъ малоумный и только тѣмъ и занимается, что слѣдитъ за дичью: куда она перелетаетъ и гдѣ она будетъ находиться, когда земскій начальникъ будетъ охотиться,—чтобы прямо навести его на дичь. Вотъ, какой это старшина, и мы же не можемъ проявить свою законную волю.

Игнатъ Васильевъ! Скажи, за что ты намъ, мирнымъ крестьянамъ, надѣлалъ столько дѣловъ, что до сихъ поръ мы ихъ не распутаемъ? Что мы тебѣ плохого сдѣлали? Къ намъ вотъ съ самой страстной недѣли до сихъ поръ каждый день ѣздитъ полиція и дѣлаетъ вопросы. Ты хвалишься о своей принадлежности

къ правой партіи. *Теперь мы знаемъ, что это за партія.* (Курсивъ мой. *Г. А.*) Она, должно быть, только волнуетъ народъ и сочиняетъ кляузы на мирныхъ жителей. Вотъ, у насъ до твоего письма все было спокойно; хоть и трудно было жить, все терпѣли, трудились и добывали хлѣбъ въ потѣ лица, и благодать божія почивала на насъ, и вообще у насъ царствовала тишь, гладь, да Божья благодать. Ты же ложно обвинилъ насъ, поселилъ смуту и волненія въ нашемъ селѣ. Неужели ты за тѣмъ и пришелъ въ Думу, чтобы писать доносы на крестьянъ? Всѣ крестьяне въ нашемъ Козельскомъ уѣздѣ тобою страшно недовольны, потому что ты занялся сыскомъ. Да будетъ тебѣ стыдно".

Письмо это было отправлено мнѣ 20 мая, и я получилъ его уже послѣ разгона Думы, такъ что, къ сожалѣнію, не могъ тогда же исполнить просьбу крестьянъ объ опубликованіи ихъ письма [1]). Очень радъ, что могу сдѣлать это хоть теперь заднимъ числомъ.

Сильное впечатлѣніе производили на меня крестьянскіе ходоки. Обыкновенно, это бывалъ уже пожилой мужикъ (молодымъ въ деревнѣ такого отвѣтственнаго дѣла не довѣряютъ), съ жилистыми руками, долгіе годы копавшимися въ пашнѣ, съ измученнымъ лицомъ, похожимъ на глыбу земли. Съ неимовѣрнымъ трудомъ, таясь отъ зоркихъ глазъ начальства, выбрался онъ изъ деревни и на собранные міромъ гроши добрался до Питера, чтобы узнать, что въ Думѣ, и поговорить съ депутатомъ о дѣлѣ. Дѣла эти были однообразны: многолѣтняя тяжба съ сосѣднимъ помѣщикомъ, отобравшимъ у мужиковъ землю, несмотря на то, что у мужиковъ есть на эту землю всѣ „права", подтверждаемыя „плантомъ" или старой „грамотой"; жалоба на желѣзную дорогу, „отчудившую" крестьянскую землю чуть не задаромъ; споръ съ ближнимъ монастыремъ о какихъ-то покосахъ или заливныхъ лугахъ, безъ которыхъ крестьянамъ „жить никакъ невозможно" и которыя необходимы монахамъ для спасенія души. Словомъ, всегда почти это — дѣло о землѣ. Земля — вотъ главная, а порою и единственная тема всѣхъ разговоровъ этихъ людей деревни. Въ памяти моей, какъ живая, стоитъ фигура одного ходока, пріѣхавшаго изъ Владимірской губ. къ моему пріятелю деп. Жиделеву и ко мнѣ. Старый — престарый старикъ, худой, больной, плохо двигавшійся, онъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца приходилъ къ намъ каждое утро, разсказывалъ одно и то же объ одномъ и томъ же дѣлѣ, ради котораго его послали къ намъ земляки, и когда мы отправлялись на засѣданіе Думы, провожалъ насъ неизмѣнной просьбой: ужъ ты, батюшка, похлопочи тамъ о насъ то! А послѣ засѣданія или на другой день онъ всегда спрашивалъ съ напряженнымъ ожиданіемъ,

---

[1]) „Пожалуйста, пропечатайте Сорокина,— добавляли они въ припискѣ къ письму, — и не забудьте прислать намъ номеръ газеты, гдѣ вы его отпечатаете: очень будемъ рады; ждемъ.

не разобрала ли Дума ихъ дѣло. И сколько мы съ Жиделевымъ ни объясняли ему, что, если Дума вынесетъ рѣшеніе о землѣ, такъ общее, для всѣхъ крестьянъ сразу и что, если это будетъ, то не такъ скоро, онъ снова и снова просилъ „похлопотать", говорилъ о своемъ дѣлѣ и все ждалъ и ждалъ...

Ходоки очень рады бывали, когда намъ удавалось доставать для нихъ билеты на засѣданіе Думы. Оживленный и заинтересованный, обыкновенно, возвращался мужикъ изъ Думы, особенно довольный тѣмь, что видѣлъ среди депутатовъ своихъ людей, такъ же почти одѣтыхъ, какъ онъ самъ, и такъ же, какъ онъ, не любящихъ „господъ".

Кромѣ вопроса о землѣ въ рѣчахъ ходоковъ и въ крестьянскихъ письмахъ часто фигурировалъ другой острый вопросъ— о хлѣбѣ. Обострившаяся голодовка во многихъ губерніяхъ и скверно поставленная продовольственная помощь заставляли крестьянъ постоянно обращаться къ депутатамъ съ многочисленными просьбами и жалобами по поводу этого: тамъ не даютъ ссуды, несмотря на полный неурожай и голодъ, здѣсь задержали на станціи продовольственный хлѣбъ, тутъ прислали хлѣбъ или зерно, никуда не годные и т. д. до безконечности.

Часто, впрочемъ, крестьянскія письма, приходившія ко мнѣ, не содержали въ себѣ никакихъ конкретныхъ требованій или просьбъ; въ нихъ просто описывалось существованіе деревни, разсказывалась несложная, но тяжелая исторія крестьянской жизни отъ начала до конца. А въ заключеніе неизмѣнный, какъ стонъ, припѣвъ: разскажите о насъ Государственной Думѣ! Изъ одной деревни мнѣ прислали цѣлую рукопись, озаглавленную „Наша жизнь", и въ ней, дѣйствительно, описывалась вся жизнь этой деревушки, — нескладнымъ и труднымъ для чтенія языкомъ, но съ удручающей силой.

„...Земля, на которой мы расположены въ количествѣ тридцати пяти дворовъ на сорока пяти надѣлахъ съ большими семьями, плоха и недостаточна; такъ что если семьи наши раздѣлить, то на каждаго домохозяина придется не болѣе $^1/_3$ надѣла, на которомъ существовать невозможно".

„...Надѣльная земля наша имѣетъ курганистый видъ, на срединѣ котораго расположена наша деревня, и мы не имѣемъ рѣчной воды, а пользуемся выкопанной своими средствами сажелкой, которая въ лѣтній сезонъ полна разныхъ гадъ и нечистотъ и дѣлается вредной не только пьющимъ животнымъ, но вліяетъ отъ испаренія и на дыханія человѣка".

Рядомъ есть и двѣ рѣчки, и луга, по берегамъ ихъ, и лѣсъ, но все это во владѣніи помѣщика: „это здоровые края печенки, а намъ дано больное мѣсто, котораго ѣсть не возможно, а хотя и возможно, такъ потребуется много приправы".

Ради этой „приправы" (воды, лѣса и покоса) приходится ит-

ти въ кабалу къ помѣщику, платя ему арендную плату и работая на него, сколько онъ потребуетъ.

„... Мы просили нашихъ господъ нѣсколько разъ продать намъ эту отрѣзку въ собственность, но ни въ коемъ случаѣ не уступалась, потому что такъ доходу она даетъ громадно больше: кромѣ общаго платежа за аренду, присчитывается порабощеніе человѣческихъ рукъ съ лошадьми,—требуется поработать за ловлю рыбы въ сихъ рѣкахъ, за сборъ ягодъ и грибовъ".

„... Изъ этого видно, что помѣщикъ награжденъ всѣмъ. У него все растетъ и родится, какъ-то: рыба, ягоды, грибы; много имѣетъ въ лѣсахъ своихъ дичи и звѣрей, вообще, волковъ, которыхъ бить строго воспрещается: онъ овцами нашими питается, а помѣщикъ, какъ на своего животнаго, на него смотритъ, да улыбается."

„... Такъ мы, несчастные, куда ни кинь, въ какую сторону, а все-таки отъ рукъ помѣщика не избавишься; и всего за свои послѣднія копейки приходится у помѣщика купить,—не только грибовъ, ягодъ, но даже воды. И чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе крестьянинъ ослабѣваетъ и дыханіе тяжелѣетъ, но, вѣрно, приходится у помѣщика купить и воздуху для дыханія".

Дальше тянутся обычныя сѣтованія на чудовищную черезполосицу. Крестьянская земля вся „изуродована" — разорвана на жалкіе клочки, по которымъ иногда „скотину не прогонишь", и кругомъ обложена тучными барскими полями.

Съ другой стороны крупный капиталъ уже начинаетъ накладывать свою тяжелую руку, подчинять своему прихотливому вліянію деревню, живущую еще въ полу-феодальныхъ условіяхъ, втягиваетъ ее въ безпокойную сферу отношеній рынка, обмѣна и спекуляціи.

„... Мы хотѣли бы просить, нельзя ли походатайствовать, чтобы цѣна хлѣба была одна. А то у насъ происходитъ такъ: сегодня одинъ рубль тридцать копеекъ, а завтра одинъ рубль тридцать пять коп.; хлѣбъ одинъ и тотъ же, а за одну ночь онъ почему-то подорожалъ, — вотъ это удивительно".

Очень часто политика почти отсутствуетъ въ крестьянскихъ письмахъ и обращеніяхъ, которыхъ я получилъ довольно значительное количество. Вопросъ о землѣ и хлѣбѣ заслоняетъ собой всѣ другіе вопросы.

Въ этомъ отношеніи рабочіе, конечно, рѣзко отличаются отъ крестьянъ.

Для рабочихъ вопросъ о хлѣбѣ тоже стоитъ очень остро. Во время 2-ой Думы (какъ и теперь) въ Петербургѣ и другихъ городахъ насчитывалось громадное количество безработныхъ. Отъ предсѣдателя петербургскаго совѣта безработныхъ мною была получена (для доклада думской комиссіи о помощи безработнымъ) очень обстоятельная записка о размѣрахъ безработицы въ Петербургѣ и о положеніи безработныхъ.

„Самая ужасная черта нынѣшней безработицы, — говорилось въ этой запискѣ, — ея необыкновенная интенсивность, упорность, продолжительность". Общее число безработныхъ въ Петербургѣ (записка написана въ началѣ апрѣля 907 г.) колеблется между 15 и 20 тыс. человѣкъ. Причина обостренія безработицы—не только промышленный кризисъ, но и политическія условія. „Политиковъ среди петербургскихъ безработныхъ не менѣе 60%", причемъ они „мучаются безработицей уже годъ, полтора года и больше".

„Въ Нарвскомъ районѣ (гдѣ Путиловскій заводъ) можно встрѣтить десятки семействъ, кормильцы которыхъ приносили домой послѣднюю получку передъ 9 января 1905 г. и съ тѣхъ поръ не имѣли заработка. Больше всего между безработными разсчитанныхъ послѣ ноябрьской забастовки. Можно представить себѣ положеніе людей, пробывшихъ въ когтяхъ безработицы 10 — 15 — 25 мѣсяцевъ!.. Все, что можно продать — продано, что можно заложить — заложено. Въ квартирѣ остаются голыя доски. Часто одна пара сапогъ, одно верхнее платье на цѣлое семейство... Квартиры, комнаты, углы безработныхъ не оплачены за многіе мѣсяцы... Мировые судьи завалены просьбами о выселеніи. Ежедневно сотни семействъ *буквально* выбрасываются съ уцѣлѣвшимъ еще скарбомъ на улицу. Безработныхъ мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей подымаютъ на улицахъ умершими отъ истощенія... Безработные мужчины и женщины, старики и подростки бросаются въ воду, принимаютъ ядъ, накидываютъ петлю себѣ на шею для того, чтобъ избѣжать мучительной смерти отъ голода, спастись отъ которой другими путями они не могутъ".

За время депутатства мнѣ пришлось имѣть очень много дѣла съ петербургскими безработными. Въ большинствѣ случаевъ это были озлобленные, доведенные до отчаянія люди. Съ ранняго утра и до поздняго вечера посѣщали они по одиночкѣ и цѣлыми группами квартиру, гдѣ я жилъ, и немногословно разсказывали о своей нуждѣ. Просили они чаще всего, найти имъ работу, за деньгами обращались лишь въ исключительныхъ случахъ, когда въ рукахъ уже была повѣстка о вызовѣ къ мировому по дѣлу о выселеніи изъ квартиры. Пришелъ одинъ разъ рабочій съ просьбой дать денегъ на покупку гроба для своего ребенка — похоронить было не на что. Иногда съ дальнихъ окраинъ столицы пѣшкомъ добирался безработный, пришедшій къ „товарищу-депутату", чтобы занять нѣсколько грошей на покупку хлѣба. Приходили жены арестованныхъ и высланныхъ рабочихъ съ маленькими дѣтьми. Цѣлыя вереницы голодныхъ людей, желающихъ работать и ненаходящихъ *никакого* заработка въ громадной богатой столицѣ, проходили за день.

Помощи организованной почти не было. Городская Дума бросала кое-какія подачки разъ въ полгода, совѣтъ безработныхъ помогалъ, но помощи его въ виду недостатка средствъ и работы

хватало лишь очень немногимъ. Безработные цѣлыми толпами собирались у дверей бюро совѣта безработныхъ и не находя помощи, озлоблялись. Въ раздраженіи нѣкоторые доходили до несправедливыхъ заподазриваній и обвиненій по адресу совѣта, и часто шли жаловаться на него депутату. Съ большимъ иногда трудомъ удавалось мнѣ объяснить имъ, что совѣтъ безработныхъ тутъ не причемъ и что, если кто-нибудь что-либо дѣлаетъ для помощи безработнымъ, то это именно совѣтъ, который является ихъ собственной организаціей.

Для характеристики того, какъ относились нѣкоторые изъ безработныхъ къ своему положенію и чего они ждали иногда отъ депутатовъ, приведу выдержку изъ одного письма, присланнаго мнѣ для передачи въ с.-д. фракцію:

„Когда мы выбирали васъ, вы клялись, что въ первую очередь поставите рабочій вопросъ, что вы ни на одну минуту не забудете, что безработные умираютъ отъ голода, что дѣти ихъ превратились въ уличныхъ хулигановъ, что жены и дочери изъ продаютъ свою честь, чтобы не умереть съ голода... И вотъ, скоро два мѣсяца, какъ вы засѣдаете въ Таврическомъ дворцѣ, а для безработныхъ рѣшительно ничего не сдѣлали... Мы знаемъ: одно засѣданіе члены Государственной Думы посвятили вопросу о безработныхъ и, поговоривъ, сдали въ комиссію. Но развѣ вы забыли, что мы не можемъ сдать наши желудки въ комиссію и что единственное мѣсто, куда мы ихъ сдаемъ, — могила... Неужели вы думаете, что можно изжить нашу бѣду, голодъ и холодъ, если вы заставите правительство ассигновать деньги для раздачи безработнымъ? Это ни къ чему не поведетъ, да мы и не хотимъ, мы не нищіе, чтобы получать подачки... Нѣтъ, насъ спасти можетъ только одна работа и мы просимъ, требуемъ, — да, требуемъ! — дайте намъ эту работу!“

Что могъ отвѣтить депутатъ на такое письмо? Снова и снова указать лишь на безсиліе демократической части Думы, трагически противорѣчившее тѣмъ преувеличеннымъ надеждамъ на депутатовъ, которыя возлагались людьми, подобными автору этого письма...

Но наиболѣе сознательная часть пролетаріата, конечно, понимала дѣйствительное положеніе вещей и не требовала ни отъ Думы, ни отъ депутатовъ того, что они не могли дать. Поддерживать это здоровое скептическое отношеніе къ Думѣ я считалъ своей главной обязанностью...

IV.

Передо мной толстая тетрадь, состоящая изъ трехъ частей. Первая часть — нижеслѣдующее письмо, написанное безжизненнымъ, ровнымъ, однообразнымъ почеркомъ:

„Милостивый Государь, Господинъ Алексинскій! Посылаю вамъ рукопись свою по *„аграрному вопросу“*, отправленную уже 28 апрѣля за № 51 въ Государственную Думу, прошу васъ обратить на этотъ матеріалъ *особое вниманіе* (курсивъ подлинника).

Не имѣя положительно никакой возможности огласить ее печатнымъ путемъ за отказомъ печатанія со стороны многихъ газетъ, не исключая и столичныхъ,—во имя всенароднаго интереса, прошу васъ, доведите до всеобщаго свѣдѣнія Думы рукопись мою даже при самыхъ невыгодныхъ обо мнѣ мнѣніяхъ и сужденіяхъ, которыя я игнорирую на время правильнаго разрѣшенія мною „аграрной задачи“.

За правильность основной идеи моей, разрѣшающей эту міровую земельную болячку, я отвѣчаю головой.

Въ данный моментъ мнѣ нужна реальная поддержка Государственной Думы, какъ могучаго проводника мысли моей среди народа и къ этому проводнику я обращаюсь.

Не имѣя „неприкосновенности личности“, я не могу даже огласить идею свою печатно на счетъ собственнаго изданія, вотъ почему и прибѣгаю къ Думѣ, подъ ея высокое покровительство, хотя бы въ качествѣ „свѣдующаго лица“.

Еще разъ прошу васъ, прочтите рукопись мою повнимательнѣй, она по духу своему такова, что говорить о ней возможно лишь съ трибуны Таврическаго Дворца, иначе участь Коперника будетъ участью неизбѣжной и дѣло не двинется ни на шагъ впередъ.

Уважающій васъ В. И—въ, 1907, 5 мая“.

За этимъ письмомъ слѣдуетъ рукопись, переписанная на Ремингтонѣ, въ 15 страницъ большого формата, съ заглавіемъ „По аграрному вопросу,—въ Государственную Думу“.

Въ рукописи излагаются взгляды г. И—ва на аграрный вопросъ. Дѣло начинается съ „философскаго“ обоснованія [1]).

„Вообще и въ частности „земельный вопросъ“, по существу, такъ же старъ и дряхлъ, какъ ветхъ и хилъ міръ Божій...

Они суть дѣти одной матери — „вселенной“, попрежнему — таинственной и неразгаданной и одного отца *„закона міровой эволюціи“*, всегда суроваго и молчаливаго, какъ бездна...

Такимъ образомъ, *„космическое единство“* поднебесныхъ фактовъ — *„несомнѣнно“*.

Какъ нельзя отнять отъ міра его отдѣльныхъ жизненныхъ элементовъ, питающихъ цѣлое, безъ нарушенія жизненной гармоніи, — *„необъятнаго“*, такъ нельзя отказать и людямъ, какъ части „мірозданія“, — въ землѣ, въ этомъ *„непреложномъ свѣточѣ ихъ бытія“*.

---

[1]) Сохраняю ороографію подлинника. *А. Г.*

Человѣкъ и все живущее на землѣ родится на ней и отъ нея и, умирая, превращается въ ту же землю, прахъ ея...

Земля и жизнь—*„синонимы“*: онѣ однозначущи.

Она—начало этой жизни и ея конецъ.

Оторвать человѣка отъ земли—равносильно тому, что отдѣлить голову его отъ туловища...

Матерія земли—матерія людей, животныхъ и растеній. Приподнимите человѣка отъ земли, хотя бы на аршинъ, и онъ заоретъ—„разбой“...

Земная жизнь—это *„законъ абсолютныхъ истинъ“*... основа—незыблемая, устои нерушимые.

Это—„лозунгъ вселенной“...

Вотъ почему *„вопросъ земельный“*, какъ нераздѣльно связанный съ жизнію, прежде всего—вопросъ не *„русской жизни“*,—мужиковъ, баръ и разночинцевъ... а вопросъ—*„общенародной жизни“*, міровой...

...Такъ смотритъ природа на дѣло своего творчества и такъ познали эти „міровые дары“ древніе, мудрые народы, свободно и вольно кочующіе со своими стадами на землѣ и ею питающіеся...

Но не такъ глядитъ на дѣло *„природнаго землеустройства“* злая, бездарная и безнравственная кучка „интеллигентныхъ гунновъ“ изъ новаго поколѣнія ветхозавѣтныхъ предковъ, алчно впившаяся въ земляное тѣло и, по волѣ низкихъ побужденій, вмѣшавшаяся въ *„естественные законы отправленія земли“* (sic).

...Пользуясь невѣжествомъ людей, ихъ косностью и тьмою, земельные „торгаши“ всѣхъ государствъ по праву сильнаго захватили въ руки свои *„весь шаръ земли“*, объявивъ его *„священною собственностью“*, наравнѣ съ личнымъ капиталомъ и прочимъ „благопріобрѣтеннымъ“ добромъ и скарбомъ, не желая даже знать, что земля—*„не рукъ творенье“*, а... „жизненный элексиръ“, тотъ же воздухъ, вода, свѣтъ и теплота...

Владычествомъ надъ самими собою и царствомъ надъ землею они накинули на шею *„милліарднаго“* трудового класса сельскихъ работниковъ хлесткій арканъ: *„священныхъ правъ на землю“* и захлестнули его туго мертвою петлею.

Источникъ земельной жизни, какъ таковой,—*„угасъ“*...

Такова аграрная философія землемѣра И—ва. Переходя къ аграрной политикѣ, онъ указываетъ, что всѣ эти плачевныя явленія, общія „всему міру“, особенно сильно даютъ себя знать въ Россіи, гдѣ происходитъ, по его выраженію, „распаденіе страны на аграрной почвѣ“.

Авторъ находитъ нужнымъ, открывая свой секретъ рѣшенія аграрнаго вопроса, получить предварительно гарантіи неприкосновенности своей личности и матеріальнаго вознагражденія. Первая нужна ему потому, что онъ уже умудренъ опытомъ исторіи:

„Исторія имѣетъ безпредѣльный позорный фактъ съ Копер-

никомъ, который, открывъ *„законъ вращенія земли“*, тѣмъ не менѣе былъ сожженъ на кострѣ, какъ отчаянный соціалистъ, утопистъ и еретикъ...

Великій человѣкъ погибъ и только потому, что не догадался испросить у своихъ палачей предварительной индульгенціи, въ видѣ *„современной неприкосновенности“* [1]).

Поэтому г. И—въ и не желаетъ повторять ошибки Коперника, предупреждая, впрочемъ, что неприкосновенность ему „нужна не для повседневнаго обихода (о такой роскоши онъ, очевидно, и мечтать не рѣшается! *Г. А.*), а на время сношеній его съ Госуд. Думой“.

Что же касается вознагражденія за рѣшеніе „аграрной задачи“, то оно должно быть проведено черезъ Думу законодательнымъ путемъ.

„Такъ какъ земельнымъ вопросомъ заинтересованъ всякъ и каждый, то я хочу, чтобы *„каждый“* принялъ участіе въ такомъ вознагражденіи.

Большой платы я не требую, она будетъ равняться *„одной копейкѣ“* съ души мужескаго и женскаго пола, не исключая и дѣтей какъ будущихъ граждань.

На случай, если людямъ вознагражденіе это покажется обременительнымъ, я согласенъ получить — *„полкопейки“* и даже— *„одну четверть“*.

Ручаясь и „давая подписку“, что „ни Дума, ни правительство, ни самый народъ не разрѣшатъ этой земельной задачи никогда“, г. И—въ и предлагаетъ свои услуги. Вся суть дѣла, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы поставить этотъ вопросъ „не въ личныхъ выгодахъ и узко-эгоистическихъ интересахъ Россіянъ, а съ точки зрѣнія общенародной пользы всего человѣчества“.

Для обсужденія же этого вопроса въ такомъ широкомъ, всечеловѣческомъ масштабѣ — „безспорное мѣсто... Гаагская конференція“ (sic).

„Тутъ въ центрѣ этомъ, гдѣ звонко журчитъ ручей творческой мысли, не стѣсненной смрадомъ застѣнковъ,—онъ можетъ разрѣшиться мгновенно“.

Таково содержаніе письма г. И—ва. Я цитировалъ его такъ обстоятельно по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, мнѣ хотѣлось возможно нагляднѣе представить читателямъ трагикомическое положеніе депутата, получающаго такія посланія (не въ единичномъ притомъ количествѣ) и становящагося объектомъ подобныхъ „міровыхъ“ изліяній. А, во-вторыхъ, все это произведеніе, несом-

---

[1]) Подъ „современной неприкосновенностью“ авторъ подразумѣваетъ ту, какой обладаютъ по закону члены Г. Думы. По этому поводу я могу завѣрить досточтимаго автора, что, сиди Коперникъ на скамьяхъ нашей фракціи Г. Думы, онъ обязательно попалъ бы, хоть и не на костеръ, а на каторгу въ силу „современной неприкосновенности“.

нённо, больной мысли показываетъ, что вопросы, поставленные передъ нашей страной ходомъ исторіи настолько огромны и жгучи, что они неудержимо приковываютъ къ себѣ не только здоровую, но и больную психику.

Разставаясь съ г. И—мъ и его удивительнымъ проектомъ, остается добавить лишь, что къ его рукописи прибавленъ еще печатный текстъ письма его къ гр. Витте. Изъ этого письма вы узнаете, что авторъ „ни соціалистъ, ни революціонеръ, ни террористъ, ни соціалъ-демократъ", что онъ „въ личной жизни самый несчастный человѣкъ", что „несчастіе его началось со дня болѣзни любимой жены, какъ рѣдкаго человѣка и достигло предѣла со смертію этой женщины отъ неудачной операціи разрѣза нарыва на пальчикѣ руки". А изъ заглавія письма вы увидите, что предлагаемое авторомъ правильное рѣшеніе аграрнаго вопроса „не требуетъ ни купли и ни продажи земли, ни ея отчужденія, ни дарственныхъ записей, ни выкупныхъ платежей, ни маіоратовъ, ни посессій, ни банковъ, ни принудительной экспропріаціи, ни ссоръ, ни захватовъ, ни меліоративныхъ кредитовъ, ни террора, ни насилій, ни революціи, ни забастовокъ, ни вооруженнаго возстанія, ни тяжелыхъ формъ подавленія, ни военнаго положенія и чрезвычайныхъ мѣръ охраны, ни даже—денегъ и размежеванія".

Словомъ, чудодѣйственный проектъ и нѣтъ сомнѣнія, что гаагская конференція ухватилась бы за него обѣими руками!

Авторы нѣкоторыхъ другихъ проектовъ, подобно г. И—ву, задаются цѣлью излечить всѣ „міровыя болячки". Г-жа М. С—ва видитъ причину всѣхъ бѣдствій человѣчества въ „металлической валютѣ". (Свои проекты,—ихъ получилъ я цѣлыхъ четыре—г-жа М. С—ва пишетъ красными, какъ кровь, чернилами). Зло въ томъ, что деньги нынѣ „обезпечены металлами", а такъ какъ металловъ ограниченное количество, то и денегъ „не хватаетъ на потребности рабочихъ силъ". Чтобы исправить дѣло, нужно металлическую валюту замѣнить „рабочей валютой", т. е. ввести „обезпеченіе денегъ работой".

Г-жа М. С—ва видитъ только одно препятствіе осуществленію своей идеи: это—національная разобщенность людей и политическая обособленность народовъ. Поэтому она пишетъ другой проектъ, обращая его къ „господамъ соціалистамъ" и предлагая имъ прежде всего добиться уничтоженія національной розни, „устроивъ завоеваніе какой-либо страной всѣхъ остальныхъ".

Кромѣ такихъ и подобныхъ имъ проектовъ въ коллекціи моей имѣется много другихъ, разсматривающихъ различные вопросы въ болѣе узкой, не столь „всеобъемлющей" постановкѣ. Одинъ авторъ хочетъ придумать мѣры къ упорядоченію финансоваго дѣла, другой реформируетъ школу, третій пишетъ проектъ отдѣленія церкви отъ государства, четвертый высказываетъ свои

соображенія насчетъ уменьшенія пенсій и прогоновъ для генераловъ и т. д. Но въ большинствѣ этихъ проектовъ,—здравомыслящихъ или сумасбродныхъ, все-таки видна бываетъ живая человѣческая мысль: больная или здоровая, мелкая или большая, она страдаетъ и ищетъ выхода. Видно, что событія, переживаемыя страной, великія бѣдствія народа, тяжело отозвались въ душахъ этихъ людей, вырвали ихъ изъ недавняго, безмятежнаго обывательскаго житія, заставивъ ихъ задуматься надъ многомъ.

Но среди проектовъ, присылавшихся депутатамъ, вы встрѣтите не мало произведеній совсѣмъ другого сорта, написанныхъ щедринскими „охочими людьми“ и носящихъ на себѣ печать той лакейской угодливости и „готовности“, которую такъ долго прививалъ россійскимъ обывателямъ старый режимъ

Получаешь, напримѣръ, печатный листокъ подъ заголовкомъ: „Откуда взять денегъ для чрезвычайныхъ нуждъ Государственнаго Казначейства“? (слово „Казначейство“ для почтительности напечатано съ прописной буквы). Авторъ пишетъ: „благоволите прочесть и обратить Ваше вниманіе“.

„Благоволю“ и читаю: „Наше дорогое отечество“... „внутренніе безпорядки“... „злые генія и враги Россія“... „время ужъ намъ (?) оградить свое Правительство (П—большое) древнею русскою славой“ и т. д. Суть же проекта въ томъ, что предлагается выпустить внутренній съ выигрышами заемъ, „на 7 милліардовъ рублей и болѣе, смотря по надобности, и на срокъ, какой найдетъ нужнымъ правительство“. Билеты не дороже 25 рублей, что дастъ возможность „людямъ, имѣющимъ у себя излишекъ въ 25 руб.“, купить выигрышный билетъ. На такой заемъ, по словамъ автора, можно будетъ „устроить безплатныя, общедоступныя учебныя заведенія для воспитанія вѣрныхъ и честныхъ слугъ нашему самодержавному царю и отечеству, воскресить нашъ флотъ“ и пр. Авторъ проекта, оказывается, уже обращался съ нимъ въ редакцію казеннаго „Сельскаго Вѣстника“, но даже тамошніе гурлянды признали его „положительно неосуществимымъ“, хотя и очень патріотическимъ. Даже гурлянды при всемъ ихъ смѣломъ полетѣ мысли отступили передъ этимъ патріотическимъ планомъ. Но авторъ несогласенъ съ гурляндами изъ „Сельскаго Вѣстника“:

„Они говорятъ,—полемизируетъ онъ съ гурляндами,—что русскій народъ настолько бѣдный, что изъ 140 милліоннаго населенія не найдется и половины жителей, которые могли бы купить даже по одному билету. Какая грубая ошибка: у насъ свободно (!) могутъ купить 20 милліоновъ человѣкъ по 10 билетовъ, а 40 милліоновъ по 2 билета и заемъ покрытъ; если мы проведемъ такой внутренній заемъ, тогда весь міръ скажетъ,—крѣпка и сильна Русь своимъ народомъ“.

Другой прожектеръ придумываетъ рабочіе дома съ принудительнымъ трудомъ для безработныхъ и т. п. Наибольшей рѣши-

тельностью, въ полицейскомъ смыслѣ, отличаются тѣ проекты, которые относятся къ „внутреннимъ“ дѣламъ. Авторъ одного изъ этихъ произведеній, находя, что виною всѣмъ неурядицамъ „жиды“ и „чухны“ (финны) говоритъ: „Чухны всегда были свободны. Такъ издайте же чухнамъ крѣпостное право“. (Для „жидовъ“ даже она не проситъ новаго крѣпостного права, полагая, вѣроятно, что и того, которое имѣется у нихъ теперь, вполнѣ достаточно).

„Чухны“ до сихъ поръ не закрѣпощены,—такъ пусть Госуд. Дума скуетъ и для нихъ цѣпи, которыхъ не сумѣлъ сковать департаментъ полиціи, — такова логика черносотенной мысли. Истинно-русскій духъ „рабства“ и черносотенства вѣетъ изъ этихъ проектовъ.

V.

Съ черносотенствомъ и черносотенцами мнѣ, какъ и другимъ представителямъ лѣвой части Думы, пришлось очень близко познакомиться за время своего депутатства. Мы не только могли внутри Думы наблюдать великолѣпные экземпляры черносотенной породы, въ родѣ Пуришкевича и Келеповскаго, но и внѣ Думы намъ постоянно приходилось имѣть дѣло съ этой породой. Черная сотня внимательно слѣдила за каждымъ выступленіемъ лѣвыхъ депутатовъ и немедленно отзывалась на эти выступленія не только порнографическими передовицами „Русскаго знамени“, но и другими проявленіями своихъ взволнованныхъ чувствъ. У дверей своей квартиры мнѣ и жившимъ со мной товарищамъ депутатамъ постоянно приходилось наблюдать весьма гамзѣистыя физіономіи, дѣлившіе скуку наблюденія съ своими собратьями изъ охранки. И г. Пуришкевичъ, вѣроятно, не очень лгалъ, когда заявлялъ на думской трибунѣ, что у него имѣются свѣдѣнія о моемъ образѣ жизни и дѣятельности. Среди посѣтителей, являвшихся ко мнѣ, нерѣдко попадались несомнѣнные шпіоны и союзники. Нѣкоторые изъ этихъ посѣщеній были очень интересны.

Вскорѣ же послѣ избранія моего въ депутаты и послѣ перваго выступленія въ Думѣ является ко мнѣ субъектъ, „не внушающій довѣрія“ и, отрекомендовавшись лицомъ, занимающимъ отвѣтственный постъ въ „союзѣ активной борьбы съ крамолой и революціей“, предлагаетъ открыть мнѣ „важную тайну“, касающуюся меня лично. Я былъ въ это время занятъ другимъ болѣе важнымъ дѣломъ и сказалъ ему, что не могу предоставить ему на раскрытіе „тайны“ больше трехъ минутъ времени. Субъектъ обидѣлся и ушелъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого посѣщенія раннимъ утромъ приходитъ еще субъектъ такого же типа. Требуетъ свиданія съ депутатомъ по экстренному дѣлу. Въ чемъ дѣло? Оказывается онъ пришелъ предупредить, что охрана выслѣдила „ре-

волюціонеровъ", работающихъ въ войскѣ и поѣхавшихъ будто бы этой ночью въ Кронштадтъ, чтобы „устроить" тамъ возстаніе. Онъ проситъ дать ему немедленно связи съ военной организаціей и т. д. Разумѣется, вмѣсто „связей", онъ получаетъ соотвѣтствующую отповѣдь и ретируется.

Явленіе номеръ третій: поздно ночью, когда случайно я еще не вернулся съ собранія фракцій, на квартиру мою врывается человѣкъ стонущій, хватающійся за ногу. Товарищамъ, которые вышли къ нему, онъ заявляетъ, что его „прислали съ Обуховскаго завода за депутатомъ Алексинскимъ. На Обуховскомъ заводѣ забастовка, у рабочихъ идетъ перестрѣлка съ солдатами, онъ самъ раненъ въ ногу, рабочіе хотятъ, что депутатъ немедленно пріѣхалъ на заводъ". По словамъ товарищей, онъ разыгрывалъ комедію очень натурально и возможно, что будь я дома, я повѣрилъ бы и поѣхалъ съ нимъ, чтобы быть ухлопаннымъ въ какомъ-нибудь переулкѣ за нарвской заставой. Но меня какъ разъ не было, ему сказали это и предложили подождать. Но онъ, очевидно, боясь быть уличеннымъ во лжи, заявилъ, что ждать не можетъ, что ему надо итти на перевязку и удралъ. Къ сожалѣнію, товарищи мои не рѣшились его задержать. Нечего и говорить, что все разсказанное имъ оказалось наглымъ враньемъ, ни забастовки, ни перестрѣлки никакой на Обуховскомъ заводѣ не было, и рабочіе за мной не посылали.

Помимо этихъ провокаторскихъ выходокъ, послѣ каждой рѣчи произнесенной въ Думѣ, приходилось получать черносотенныя письма съ руганью и угрозами. Характерно, что авторы этихъ писемъ никогда не рѣшались подписываться своими именами, а предпочитали вымышленныя фамиліи или псевдонимы. Подписи отличались большимъ разнообразіемъ: „кандидатъ университета"; „не товарищъ"; „не жидъ"; „отставной"; „всѣ запорожцы"; „тѣнь крѣпостника-помѣщика" и т. п.

Когда наша фракція воздержалась отъ участія въ оффиціальной церемоніи открытія Думы и не присутствовала на молебнѣ и во время рѣчи Голубева, мною было получено письмо отъ какого-то черносотенца, съ нравственными назиданіями по поводу с.-д. тактики, которая,—пишетъ авторъ,—„вызываетъ сложное чувство—не то изумленіе и разочарованіе не то злобу и негодованіе, не то отчаяніе и страстную ненависть".

„Представители религіознаго народа демонстративно не идутъ на молебенъ. Можете не вѣрить, но во имя чести страны вы обязаны были свершить установленное... Посмотрите, какъ открываются парламенты на западѣ: лойяльность всюду—признакъ умственной и нравственной зрѣлости".

Въ заключеніе авторъ письма рекомендуется, что онъ не крайній реакціонеръ, а „либералъ" и заканчивая словами: „эво-

люція, но не революція!"—дѣлаетъ приписку: „Все, что угодно, но жидовъ удалить изъ Россіи".

Послѣ одной изъ рѣчей Евлогія, оправдывавшаго военно-полевые суды, я заявилъ въ Думѣ, что мы, с.-д. не заражены религіозными предразсудками, и что не будучи религіознымъ человѣкомъ, я тѣмъ не менѣе долженъ рѣшительно протестовать противъ того толкованія сущности христіанства, какое дается Евлогіемъ,—немедленно же я получилъ письмо отъ „честнаго православнаго русскаго гражданина, крестьянина". Православный крестьянинъ, обладающій почеркомъ участковаго паспортиста, или писаря изъ жандармскаго управленія, пишетъ мнѣ:

„Не русскій Вы человѣкъ, не печальникъ вы русскаго народа, ты—отвратительная колбаса, начиненная жидовскимъ фаршемъ".

„Помни, что глубокое и разностороннее знаніе приводитъ къ Богу (*а также, вѣроятно, и въ союзъ русскаго народа? Г. А.*), а поверхностное, да одностороне́е къ той выходкѣ, которую ты... (слѣдуетъ крѣпкое слово) позволилъ себѣ... Ты убогій начинился Марксомъ, Бебелемъ и проч., а попробуй прочитать св. евангеліе? Тебя послали въ Думу не для оскорбленія русскихъ святынь, не для того, чтобы ты..... предъ всѣмъ міромъ заявлялъ о своемъ безбожіи. Образумься, несчастный! Продавши Бога, ты, конечно, продашь жидамъ и родину, и разумѣется, дешево. Іуда ты христопрадавецъ"!

„Кандидатъ университета" высказываетъ свое просвѣщенное мнѣніе о Думѣ:

„Составъ всей думы, за исключеніемъ правой, сплошь либо кретины, либо подлецы. Первая Дума была хулиганская, а вторая архихулиганская.

„Всі запорожці" пишутъ по-малороссійски печатнымъ шрифтомъ (чтобы судебный слѣдователь не могъ опредѣлить автора по почерку):

„Слухай, Подлицинскій, скажы своимъ думскімъ жыдамъ и всімъ лівымъ, що якъ тількі вы будете требовать амнистю мошеныкамъ, и заразъ якъ не объявите всенародно, щобъ заразъ препынылись грабежи и убійства, и якъ будыте итты проті Царя, то тебѣ жідівскаго купленыка и Караваева[1]) зо всімі лівымы мы выріжымъ до тла и будемо прохаты царя—бильшъ паскудной Думы не сбырать. Послідній амінь! Всі запорожці".

„Отставной" пишетъ по поводу бюджетныхъ преній:

„Вотъ тебѣ сказъ, Алексинскій. Ты трогаешь армію и пенсіи—нашъ кусокъ хлѣба, потомъ и кровью заслуженный, то смотри, не подливаешь ли керосину въ огонь... Берегись, за Іоллосомъ не уйти бы тебѣ скоро".

Иногда черносотенныя посланія отличались еще большей

[1]) Екатеринославскій депутатъ, трудовикъ.

краткостью. Получаешь, напримѣръ, чертежъ висѣлицы и къ ней на ниточкѣ подвѣшена за шею моя голова, вырѣзанная изъ портрета. Или получаешь письмо такого рода:

„Жидовское отродье, жди!“

Эти угрозы не оставались вполнѣ платоническими. Я уже разсказывалъ о провокаторскихъ посѣщеніяхъ и выходкахъ, имѣвшихъ, конечно, очень опредѣленную цѣль. Кромѣ того, были и попытки нападеній, правда, очень плохо поставленныя въ техническомъ отношеніи и потому неудачныя. Однажды только чуть-чуть не пострадалъ одинъ изъ моихъ товарищей, ночевавшій въ моей комнатѣ во время моего отсутствія: его угостили черезъ окно здоровымъ булыжникомъ, предназначавшимся, очевидно, по моему адресу.

Все это, разумѣется, заставляло сохранять извѣстную осторожность, приходилось избѣгать ходить одному по улицѣ, выходить къ подозрительнымъ посѣтителямъ и пр.

Рабочіе, узнававшіе о черносотенныхъ угрозахъ, конечно, не оставались равнодушными и на цѣломъ рядѣ рабочихъ собраній были вынесены по этому поводу соотвѣтствующія резолюціи. Группа рабочихъ обратилась ко мнѣ съ предложеніемъ организовать у меня на квартирѣ дежурства для охраны. Но воспользоваться этимъ предложеніемъ было нельзя, такъ какъ невооруженная охрана была бы почти безполезна, а вооруженную держать въ квартирѣ, которая находилась подъ бдительнымъ надзоромъ и посѣщалась провокаторами,—значило бы облегчить возможность какой-либо провокаціи.

Изъ писемъ, полученныхъ мною отъ рабочихъ, особенно памятно мнѣ одно,—отъ группы плотниковъ:

„Мы услышали,—писали они,—что злые люди хотятъ тебя убить за то, что ты идешь по Божьимъ стопамъ и стоишь за рабочій народъ. Мы бы стали сами тебя охранять, да не можемъ этого сдѣлать, потому что мы цѣлый день на работѣ, а коли оставимъ работу, такъ наши семьи будутъ безъ хлѣба. А потому просимъ тебя нанять себѣ стражу, чтобы она тебя всегда оберегала. Найми ее на тѣ деньги, которыя мы тебѣ посылаемъ и которыя собрали въ послѣднюю получку“.

Къ письму было приложено нѣсколько цѣлковыхъ, собранныхъ по копейкамъ.

Надо сказать, что вообще жалкія черносотенныя проклятія, брань и угрозы совершенно терялись въ той массѣ привѣтствій и выраженій сочувствія, которыми встрѣчалось каждое удачное выступленіе соціалъ-демократическаго депутата со стороны рабочихъ, крестьянъ, солдатъ и прочихъ слоевъ демократіи. Въ итогѣ черная сотня лишь констатировала передъ нами, помимо своего качественнаго убожества и свою количественную слабость—тѣмъ болѣе, что всѣ черносотенныя посланія всегда были „индивидуальными" и подъ ними мы никогда не находили тѣхъ сотенъ и тысячъ подписей, которыми сопровождались наказы рабочихъ и крестьянскіе приговоры. И если бы за неоффиціальнымъ черносотенствомъ не стояли поощряющія его иныя силы, то оно было бы совершенно ничтожной величиной, по сравненію съ прогрессивными стремленіями колоссальныхъ народныхъ массъ.

Г. Алексинскій.

